

Социальная феноменология киберкоммуникации

Аннотация

В статье была предпринята попытка провести феноменологический анализ киберкоммуникации on-line, используя методiku А.Шютца. Одной из центральных особенностей киберкоммуникации является ее “без-телесность”, исключающая возможность телесно-непосредственных реакций на процесс общения между киберакторами, предельно удлиняющая социальные дистанции между ними. Вытеснение живых (обладающих телом) личностей их “никовыми” дублерами влечет за собой “типизацию”, обезличивание киберотношений, сорентированных на усредненный, “типичный” образец киберповедения. Тот факт, что в процессе киберкоммуницирования исходно исключается возможность наблюдения произвольных, эмоционально-телесных форм поведения друг друга, что все его участники могут воспринимать лишь вербально-оформленные сообщения, помещает их в равные условия, обеспечивая определенный уровень эгалитарности и демократичности киберкоммуницирования. С другой стороны, ситуация “без-телесности” общения может привести к определенным негативным последствиям. Можно предположить, что без-телесность чат-общения может наложить характерный отпечаток на живое коммуницирование, оправдывая безличностное, без-телесное отношение к Другим как к абстрактным “типам”, “фантомам”, от общения с которыми можно безболезненно отказаться. Проанализирована социальная природа киберкоммуникации с использованием феноменологического концепта “очевидности”. Согласно создателю феноменологии Э.Гуссерлю, очевидными могут быть названы феномены, присутствующие в сознании наблюдателя. Если попробовать рассмотреть природу киберкоммуницирования в подобном контексте, то можно будет сделать вывод о “феноменологической очевидности” киберобщения, которое рефлексивно воспринимается киберакторами и представлено в их сознании (а потому становится для них несомненным).

Ключевые слова: киберкоммуникация, виртуальность, социальная феноменология, чат-коммуникация, киберакторы

Феномен виртуальной реальности, дублирующей и симулирующей повседневную реальность, привлекает к себе пристальное внимание современных ученых, работающих в самых разных теоретических парадигмах, — виртуалистики (школа Н.Носова), виртуальной социологии (А.Бюль, М.Паэгау, А.Крокер, М.Вейнштейн, Д.Иванов), психологии виртуального поведения (А.Жичкина, К.Янг), философии (С.Хоружий, И.Акчурина, В.Аршинов, М.Лебедев и др.). Многочисленные попытки описать природу виртуальной реальности, выявить специфику киберкоммуницирования маркируются современными теоретиками как “предварительные”, “пилотажные”, целью которых является не окончательное систематизирование данных о виртуальном мире, а “разведывательное” ориентирование в формирующейся *киберсоциальности*. “Предварительность” подобных теоретических попыток объясняется тем, что виртуальная социальность является новым социальным феноменом, социальные формы которого еще не устоялись и по этой причине просто не могут быть адекватно описаны в научных терминах. Однако, поскольку некоторые специфические особенности виртуальной социальности *уже* стали очевидными, необходимо пытаться теоретически осмыслить их, не дожидаясь окончательного оформления виртуального стиля коммуницирования (хотя “окончателность” вызревания социальных форм — вещь невозможная по причине “неокончателности” и безостановочности социальных процессов). В данной статье будет представлена попытка феноменологического анализа¹ социальной природы виртуального коммуницирования, который был проведен с использованием социально-феноменологической методологии А.Шютца².

Целью феноменологического анализа можно назвать описание (а не объяснение) “субъективной деятельности акторов и коррелятов этой деятельности в их сознании” [Шютц, 2003: с. 98], смысловую интерпретацию социальных действий акторов. В контексте темы моего исследования феноменологический анализ будет нацелен на описание специфики виртуального коммуницирования, построение смысловой интерпретации действий социальных акторов, включенных в процесс виртуального общения.

Прежде всего следует выявить основные теоретические аспекты концепта “виртуальное”. В современных социальных концепциях можно обнаружить несколько (отчасти взаимоисключающих) трактовок этого термина. Одной из наиболее эпатажных и востребованных в современной социологии является концепция глобальной и повсеместной виртуализации современного общества, предложенная российским теоретиком Д.Ивановым. Согласно этой концепции (условно назовем ее “расширенной”), термин “виртуальное” может быть использован в качестве синонима плана “гиперреальности” (Ж.Бодрийяр), удваивающей и замещающей социальную реальность системами образов/симулякров. Процесс вытеснения реальности гиперреальностью, замены плана естественных социальных связей иску-

¹ Речь идет об исследовании данной вещи, которую воспринимают, о которой мыслят, о которой говорят (см.: [Лиотар, 2001: с. 7]).

² См. анализ феноменологической методологии А.Шютца в статьях В.Бурлачука “Интеллектуальные уловки феноменологической социологии” (Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 97–118) и А.Шульги “Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии” (Там же. — С. 119–147).

сственными моделями “символического обмена” составляет суть феномена виртуализации современного общества. Используя бодрийеровские концепты, Д.Иванов определяет виртуализацию как ситуацию симулирования, имитирования экономических, политических, социальных, религиозных, культурных отношений в символических действиях образно-знакового обмена: “виртуализация — это любое замещение реальности ее симуляцией/образом — не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности” [Иванов, 2000: с.19].

Можно привести примеры и других теорий, обосновывающих необходимость “расширенного” понимания концепта “виртуальное”. Так, М.Кастельс утверждает, что любое опосредованное восприятие жизни посредством символов и знаков является виртуальным: “...реальность так, как она переживается, всегда была виртуальной — она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения” [Кастельс, 2000: с.351]. Поскольку же любой контакт человека с действительностью выражается в символах разного порядка (языковых, культурных, социальных и т.п.), то и “вся реальность воспринимается виртуально” [Кастельс, 2000: с.351]. Аналогичное понимание природы виртуальности предлагают В.Батов, В.Муромцев, А.Муромцева, которые любой процесс искусственной коммуникации, предполагающий наличие материально-технического посредника (компьютера, телевидения, телефона, книги), считают виртуальным по своей сути (в данном случае речь идет об отождествлении концептов виртуальности и искусственности): “...мы обречены на жизнь в виртуальном мире в силу использования искусственной коммуникации как способа получения информации о мире” [Батов, 2008: с. 105]. В концепции В.Тарасенко в план виртуальности попадают прошлое и будущее, которые “уже не” или “еще не” обладают подлинной реальностью: “...прошлое и будущее — это виртуальные миры, ... не тождественные ни реальности прошлого, ни реальности будущего” [Тарасенко, 2009: с. 7].

Наряду с “расширенным” пониманием в социальных науках используется и “узкое” понимание концепта “виртуальное” как особой реальности, которая создается в пространстве электронных медиа.

Представлю еще две интерпретации концепта “виртуальное”, в которых предлагается различное понимание природы виртуальной реальности. Согласно одной из них, “виртуальное” можно расценивать как синоним “мнимого”, “потенциального”, “эфемерного”, “несуществующего”. Наиболее яркие версии подобного понимания можно обнаружить, во-первых, в философских работах московского теоретика С.Хоружего (по мнению которого “виртуальные события лишь минимально выступают из сферы потенциальности, не достигая полноты устойчивого присутствия” [Хоружий, 1998: с.41]: “...им присуще неполное, умаленное наличествование, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия” [Хоружий, 1997: с. 67]); во-вторых, у европейских мыслителей Ж.Делеза и Ф.Гваттари, которые выделили такие характеристики виртуального события, как неактуализированность, недоволощенность, неприсутственность в реальном пространстве и времени: “...виртуальность — это и есть то, что называется Событием, то есть та часть всего происходящего, которая ускользает от своей собственной актуализации” [Делез, Гваттари, 1998: с.199].

Совершенно иное понимание природы “виртуального” можно обнаружить в парадигме виртуалистики московской школы Н.Носова; в ее рамках предлагается обоснование идеи виртуальности, представляющей собой не “нечто” неполноценное и предварительное, а специфическую онтологическую “реальность”, наделенную особыми параметрами актуальности, порожденности, автономности, интерактивности [Аршинов, Лебедев, 2007: с. 11]: “...виртуалистика — парадигматический подход, в рамках которого виртуальные реальности рассматриваются как реалии, обладающие онтологическим статусом существования” [Пронин, 2007: с.12]. В подобной “онтологической” версии виртуальная коммуникация может рассматриваться как особая форма социального существования, стремящаяся занять доминантные позиции в современном мире, обладающая особой природой, не просто “отражающая”, имитирующая или симулирующая эмпирические формы социальной жизни, но вступающая с ними в конкуренцию в стремлении их вытеснить¹.

Описанные четыре трактовки “виртуального”, которые сравнивались по двум основаниям (масштабность протекания социальных процессов и содержательность их природы), безусловно, могут быть рассмотрены не изолированно, а перекрестно. Так, “расширенная” модель может быть сопряжена как с пониманием “эфмерности” и “вторичности” виртуальной реальности (концепция Д.Иванова), так и с осознанием ее онтологичности (концепции Н.Носова, М.Пронина, В.Аршинова, М.Лебедева). С другой стороны, “узкая” трактовка виртуальности (как компьютеро-опосредованной реальности) может развиваться как на основе признания ее “потенциально-недоналичествующей” природы [Уханов, 2009: с.63], так и исходя из осознания ее онтологически-специфической природы [Коноплицкий, 2004: с.169; Коноплицкий, 2005: с.192]. Исходя из того, что каждая из этих моделей имеет право на существование и, более того, каждая из них отражает определенные аспекты феномена виртуальности, наше исследование будет осуществляться в контексте “узко-онтологической” парадигмы, сориентированной на описание компьютеро-опосредованных форм виртуальной коммуникации, нацеленной на обнаружение их специфической социальной природы. Во избежание терминологической путаницы вместо концепта “виртуальная коммуникация” (который, как было показано выше, обладает очень богатым коннотативным содержанием) будем использовать термин “киберкоммуникация”, являющийся аналогом терминов “коммуникация в электронной среде” или “компьютеро-опосредованная коммуникация”, наиболее востребованных в западной виртуальной социологии [Коноплицкий, 2005: с.188].

Попробую уточнить смысловое содержание используемого в данной статье термина “коммуникация”. Согласно классической трактовке, коммуникация (точнее, социальная коммуникация) — это “специфическая форма взаимодействия людей по передаче информации от человека к человеку, осуществляющейся при помощи языка и других знаковых систем” [Основы

¹ Агрессивно-активная природа виртуального мира может быть проиллюстрирована на примере феномена хикки. “Хикки — японский термин, обозначающий подростков и молодежь, отказывающихся от социальной жизни и зачастую стремящихся к крайней степени изоляции и уединения. Министерство здравоохранения Японии определяет хикки (хикикомори) как лиц, отказывающихся покидать родительский дом и изолирующих себя от общества и семьи в отдельной комнате в течение более шести месяцев, все свободное время проводящих в сети Интернет” [Шаповалов, 2010: с. 215].

теории коммуникации, 2005: с.12]. Однако в контексте темы данного исследования более уместным становится понимание процесса коммуникации, предложенное Н.Луманом, согласно которому коммуникация не обязательно предполагает процесс “трансляции смысла” [Луман, 2004: с.75, с.109] и “передачи информации”. Вполне возможны ситуации, когда коммуницирующие акторы обмениваются информационно “пустыми” (нейтральными в смысловом отношении) сообщениями, выполняющими техническую функцию поддержания социального контакта и игнорирующими процесс смыслообразования. Таким образом, если признать, что коммуникация включает три компонента (сообщение, информация и понимание) [Луман, 2004: с.74], которые могут быть “расцеплены” [Луман, 2004: с.143] в процессе реального коммуникативного контактирования социальных акторов (сообщение может быть воспринято чисто технически, без осознания его информативной глубины), то под коммуникацией будем понимать процесс передачи сообщений от социального актора к социальному актору, осуществляемый посредством символических систем.

Попробуем рассмотреть еще один теоретический вопрос. Является ли киберкоммуникация (или компьютеро-опосредованная коммуникация, включающая возможность реальных (живых) контактов между социальными акторами) *социальным* процессом? Правильно ли рассматривать коммуникацию в электронной среде как социальный феномен или, быть может, корректнее с научной точки зрения использовать такие термины-заместители, как *квази-социальный* процесс или *мнимо-социальность*?

Надо сказать, что в современной специальной литературе можно встретить понимание киберкоммуникации как социальности вторичной, производной от реальной социальности. Так, Д.Иванов подчеркивает симуляционный, неполноценный, имитационный характер виртуальной социальности, смысл которой заключается в “замещении социальной реальности ее компьютерными симуляциями” [Иванов, 2000: с.15], при этом “общество в традиционном его понимании замещается киберпротезом” [Иванов, 2000: с.14]. Аналогичной точки зрения придерживается Е.Уханов, согласно которому “сеть не производит, а симулирует социальность. Социальная реальность подменяется ее виртуальной имитацией” [Уханов, 2009: с.63].

Однако существуют и прямо противоположные оценки социальной природы киберкоммуникации. К примеру, М.Кастельс утверждает, что виртуальная социальность обладает гораздо более “сильной” и действенной природой, нежели реально-эмпирическая социальность: если реальные социальные акторы не подтверждают свою социальную компетенцию в виртуальном пространстве, они рискуют утратить социальное влияние и исчезнуть в социальном небытии. Согласно М.Кастельсу, присутствие в виртуальном пространстве становится в современном мире применительно к актору истинным критерием, абсолютным знаком его обладания властью в реальном обществе: “...только присутствие в коммуникационной мультимедиа-системе позволяет передать и социализировать сообщение. Все прочие сообщения сведены к индивидуальному воображению или ко все более маргинализирующимся субкультурам, где господствуют личные контакты. С точки зрения общества, коммуникация на электронной основе и есть коммуникация” [Кастельс, 2000: с.352]. В данной статье я буду придерживаться “умеренной” точки зрения, согласно которой, во-первых, киберкоммуника-

ция обладает *социальной* природой¹, а во-вторых, она обладает *особой* социальной природой, которая не просто имитирует реально-социальные отношения, а создает особое киберпространство, способное трансформировать, “подогнать под себя” реальный социальный мир².

Поскольку киберкоммуникация может осуществляться в разных формах³, возникает необходимость в разработке различных концепций киберсоциальности, описывающих различные аспекты и различные ситуации виртуальной коммуникации (имеет смысл говорить о социологии on-line коммуникации, о социологии off-line коммуникации, социологии компьютерных игр как разновидностях общей виртуальной социологии). В данной статье я намерена сосредоточиться на феноменологическом описании природы именно on-line коммуникации (и прежде всего чат-коммуникации), социально-интерактивная природа которой очевидна и которая наиболее востребованна современной молодежью⁴.

Киберкоммуникация “без Тела”

Создатель феноменологической социологии А.Шютц выделил три плана социальных отношений: 1) социальные отношения лицом-к-лицу (мы-отношения), предполагающие телесное соприсутствие и пространственную близость “спутников”; 2) социальные отношения, предполагающие возможность лишь косвенного, опосредованного, дистанцированного соприсутствия (они-отношения), характеризующиеся наличием формализованных, “типических” функциональных связей между не-близкими “современниками”; 3) социальные отношения между телесно не-присутствующими “предшественниками” и “последователями” [Шютц, 2003: с. 117].

Какая из перечисленных форм социальных отношений может быть расценена как наиболее адекватная в ситуации описания природы киберком-

¹ Я абсолютно согласна с Н.Луманом, что любая коммуникация в силу того, что она предполагает символическое взаимодействие социальных акторов, всегда и принципиально является социальной [Луман, 2004: с. 86].

² Возможность совмещения в рамках одной концепции взаимоисключающих оценок природы киберсоциальности (и как подражательной, и как оригинальной) можно проиллюстрировать на примере статьи Е.Уханова, в которой одновременно предлагаются выводы и о симуляционной (неполноценной), и о новаторской природе виртуальной социальности, проявляющейся в характеристиках фрагментарности, децентрационности, изменчивости, ситуативности, гибкости и т.п. [Уханов, 2009: с. 68].

³ Разнообразные формы киберкоммуникации можно подразделить на такие подгруппы: коммуникация on-line, осуществляемая в режиме реального времени (чаты, ICQ, MUDs); коммуникация off-line, осуществляемая в режиме отсроченного времени (e-mail, форумы, телеконференции, гостевые книги); непрямая коммуникация в групповых компьютерных играх.

⁴ Согласно выводам В.Коломиец, “в любой отдельно взятый день почти каждый второй молодой человек пользуется компьютером. ... Интернет постепенно претендует на доминирующий тип медиапотребления в подростковой и молодежной среде” [Коломиец, 2010: с. 65–66]. Согласно результатам пилотажного Интернет-исследования, проведенного украинским социологом Е.Шкряб, около 60% опрошенных (N = 168 человек в возрасте от 14 до 30 лет) предпочитают общение в чатах; 19% общаются в ICQ; 12,5% коммуницируют посредством e-mail и только 4,8% встречаются на форумах [Шкряб, 2010: с. 225].

муникации on-line? На первый взгляд может показаться, что именно форма они-отношений между незнакомыми “современниками” оптимально подходит для этой цели. Действительно, чат-коммуникация осуществляется между анонимными современниками, телесно не-представленными друг другу, пространственно не-близкими, разделенными барьерами компьютерных экранов. Хотя в то же время можно предположить возможность трансформации подобных анонимных отношений в неанонимные (в исследованиях киберотношений приводятся факты встреч киберзнакомых в реальной жизни [Коноплицкий, 2004: с. 172, 174]). Однако подобный выбор является не вполне очевидным. Если сосредоточить внимание на чистом процессе киберкоммуницирования on-line между анонимными партнерами (которое чаще всего ограничивается виртуальными пределами компьютерного, а не реального общения), то именно первая модель (модель мы-отношений, хотя и в несколько измененном, модифицированном виде) сможет послужить нам теоретическим компасом в осмыслении природы киберкоммуникации.

Действительно, участники чат-коммуникаций могут достаточно долго пребывать в киберобщении друг с другом, ощущая себя “завсегдатаями”, “коренными жителями”, “почетными гражданами” “электронной деревни” и демонстрируя пренебрежительное отношение к “новичкам” [Коноплицкий, 2004: с.169]. Как утверждает С.Коноплицкий, “во многих чатах существует тенденция к построению особого, чуть ли не семейного круга общения” [Коноплицкий, 2004: с.169]. Несмотря на то, что постоянные члены чат-компаний знают друг друга по “никам” (псевдонимам), оставаясь анонимными игроками, несмотря на то, что используемые ими образы виртуального поведения чаще всего являются вымышленными, все же между ними устанавливаются отношения близости — близости, которая может возникнуть лишь между связанными некоей жизненной ситуацией “спутниками” (а не просто “современниками”), добровольно и синхронно преодолевающими одни и те же жизненные проблемы.

И все же есть принципиальное отличие “мы-общения” спутников киберкоммуникации от “мы-общения”, описанного А.Шютцем. Согласно А.Шютцу, “мы-отношение заключается не только в со-общности времени; оно состоит также в со-общности пространства, то есть в *телесном* и, таким образом, внешнем присутствии спутника *лицом-к-лицу* со мной... Я понимаю сознательную жизнь спутника, интерпретируя его *телесные* выражения как показатели субъективно-смысловых процессов” (курсив мой. — Е.Б.) [Шютц, 2003: с. 121]. Что же касается киберкоммуникации on-line, то ее отличительным признаком является *без-телесность* общения — общения *не* лицом-к-лицу. Участники киберобщения не видят друг друга, не могут наблюдать выражения глаз, реакций тела, мгновенных эмоциональных движений своих “спутников”¹. С одной стороны, это может обеспечить полную симметричность киберкоммуницирования. Ведь живое, телесное общение обязательно предполагает несколько неравные условия коммуникации, описанные И.Гофманом. Согласно И.Гофману, каждый из участников ситу-

¹ Довольно трудно предположить возможность визуализации чат-общения типа Skype, поскольку это может лишить его участников таких важных характеристик чат-общения, как анонимность, театрализованность чат-поведения, вымышленность nick-образов.

ации общения может воспринимать своих спутников по двум каналам коммуникации — произвольному (который “включает вербальные символы или их заменители” [Гофман, 2000: с.33] и сознательно контролируется коммуникатором) и непроизвольному (включающему “неуправляемые элементы экспрессивного поведения” [Гофман, 2000: с.38], такие как мимика, жесты, возгласы и другие непроизвольные реакции тела). Как полагает И.Гофман, “в этом проявляется фундаментальная асимметрия, присущая процессу коммуникации: индивид осознает коммуникацию только по одному из своих каналов (вербально выраженному), тогда как наблюдатели воспринимают сообщения сразу по двум каналам” [Гофман, 2000: с.38], находясь по этой причине в привилегированном положении. Тот факт, что в процессе киберкоммуницирования исходно исключается возможность наблюдения *непроизвольных, эмоционально-телесных* форм поведения друг друга, что все его участники могут воспринимать лишь вербально оформленные сообщения, помещает их в равные условия, обеспечивая определенный уровень эгалитарности и демократичности киберкоммуницирования.

С другой стороны, ситуация “без-телесности” общения может привести к определенным негативным последствиям. Невозможность видеть тело, лицо, глаза собеседника ставит под вопрос личностность отношений, исключает возможность восприятия своего “спутника” как уникального, незаменимого, живого Человека. Общаясь с “никовыми” дублерами живых личностей, участники киберкоммуницирования неизбежно и необходимо моделируют образы “типических” акторов, типично реагирующих, типично рассуждающих, типично действующих. Таким образом, в “мы-отношениях” киберпространства появляется аспект типичности, присущий “они-отношениям”: ведь именно “в они-отношении мои партнеры являются не конкретными и уникальными индивидами, а *типами*” [Шютц, 2003: с.142]. Другой элемент “они-отношения”, который в крайне гипертрофированной форме проявляется в “мы-отношениях” киберакторов, — *анонимность* общения: если в реальных социальных отношениях речь может идти лишь об определенной *степени* анонимности (“мир современников стратифицирован относительно степени конкретности или анонимности” [Шютц, 2003: с.145]), то в кибер-пространстве утверждается власть *тотальной* анонимности как абсолютного принципа виртуального общения.

Примечательно наличие тесной связи между характеристиками *типичности* и *анонимности*, отмеченной А.Шютцем (по мнению А.Шютца, “идеальный *тип анонимен* по отношению к любому существующему лицу. Следовательно, современник, который может быть постигнут только как идеальный тип, *в этом смысле анонимен*” [Шютц, 2003: с. 146]) (курсив мой. — Е.Б.). Именно потому, что киберакторы пытаются представить себя в измененном, идеализированном, типическом (а не лично-реальном) свете, они выбирают режим анонимности, позволяющий скрыть свое истинное лицо, симулировать свою истинную социальную сущность. Таким образом, правильно было бы говорить о смешении в пределах киберкоммуницирования двух форм социальных отношений — “мы-отношений” спутников и “они-отношений” современников, элементы которых одновременно представлены в чат-пространстве. Безусловно, к ним может быть подключена и третья форма — “они-отношения” с “предшественниками” и “последователями”, которые в виртуальном пространстве могут выполнять роль полно-

ценных собеседников (их физическое не-присутствие становится незаметным на фоне всеобщей без-телесности виртуального коммуницирования).

Социальная опасность длительного пребывания в чат-пространстве заключается в возможности формирования определенной привычки, определенного габитуса, программирующего сходные формы реагирования на *всех* “спутников”, на всех социальных партнеров — и виртуальных, и реальных. Можно предположить, что без-телесность чат-общения способно наложить характерный отпечаток на живое коммуницирование (киберсоциальность способна виртуализировать, трансформировать реальную социальность), поддерживая и оправдывая безличностное, отчужденное, без-телесное отношение к Другим как к абстрактным “типам”, “фантомам”, эфемерным “голограммам”, от общения с которыми можно безболезненно отказаться, от которых можно с легкостью избавиться, переключившись на другую “волну” социальных контактов.

Еще одной особенностью “без-телесного” киберкоммуницирования можно назвать поверхностность, “без-участность” общения киберспутников. Согласно А.Шютцу, “Я *участвую* в сознательной жизни другого Я *только тогда*, когда я вовлечен в конкретные мы-отношения лицом-к-лицу” [Шютц, 2003: с.120] (курсив мой. — Е.Б.). Подлинное участие и заинтересованность в общении возможны лишь между телесно присутствующими, видящими друг друга, близкими людьми, которые не хотят и не могут “вдруг”, без всякой причины прервать общение, отказаться от коммуникативной связи со своим спутником. Что же касается киберкоммуницирования, то легкость и безучастность его без-телесных контактов предполагает возможность особого режима взаимодействия, который Д.Иванов обозначил как “свободу входа/выхода”, обеспечивающую “возможность прерывания и возобновления существования”, “возможность периодически “включать” и “выключать” среду/контекст взаимодействия” [Иванов, 2000: с. 19, 61]. Подобная легкость выхода из пространства общения, свобода прерывания взаимодействия и отказа от продления чат-контакта закладывает основы новых форм взаимодействия в *реальной* социальности, характеризующихся без-участным и без-ответственным отношением к социальным партнерам, не исключающим возможности реального или психологического устранения их из своего жизненного пространства в том случае, если они “наскучат” или будут вести себя не так, как нам хотелось бы.

Рассмотрим с феноменологической точки зрения проблему дистанцированности участников киберкоммуникации. С одной стороны, “мы-отношение” предполагает возможность близости, психологической родственности киберспутников, обсуждающих общие проблемы, встречающихся в одних и тех же виртуальных “комнатах”. Кроме того, виртуальное общение позволяет полностью снять проблему физических дистанций между собеседниками, “сжимая” пространство в неразличимую точку “здесь-общения”. Однако рассматриваемая проблема может раскрыться несколько иначе, если обратиться к концепту Р.Парка “социальная дистанция”. Согласно Р.Парку, степень близости/дистанцированности социальных акторов можно измерить с помощью такого индикатора, как “зоны недоступности” (reserve), означающего “резервные, заповедные личностные зоны, личностные “тылы” индивида, доступные для его самосознания и недоступные для сознания (наблюдения) других” [Парк, 1998: с.192]. Чем шире “зоны недоступности”, тем больше социальная дистанция, разделяющая социальных

актеров. В том же случае, если “зоны недоступности” разрушаются, “социальные дистанции исчезают, и на их месте часто утверждаются самые интимные степени понимания” [Парк, 1998: с.192]. Если попробовать применить концепт Р.Парка к анализу природы киберкоммуницирования, то можно сделать следующие выводы. Вполне очевидно, что “резервные зоны” киберактеров чрезмерно обширны: речь идет о телесной недоступности, о личностной недоступности, вместо которых предлагается рефлексивная доступность мыслей и мнений киберсобеседников, а также доступность “никового” виртуального образа, изобретаемого киберактерами. Исходя из факта наличия масштабных “зон недоступности”, можно предположить, что “социальные дистанции”, разделяющие жителей “электронной деревни”, крайне велики. То есть видимая, поверхностная близость/фамильярность киберотношений в действительности может скрывать под собой пропасть отсутствия подлинного понимания личности собеседника (и именно потому, что собеседник отсутствует как обладающая телом личность, — вместо него действуют виртуальные дублиеры). Таким образом, вне-пространственный виртуальный контакт не исключает социального дистанцирования прячущих друг от друга свое подлинное “Я”, охраняющих свои “тылы” индивидов, закрывающих себя от посторонних взглядов броней “ников”.

Может возникнуть возражение. Если киберкоммуникация осуществляется “без физического тела”, то, может быть, она протекает с участием “феноменологического тела” или “виртуального тела” (обозначенного Н.Носовым термином “собь”¹), которое реально не существует, но в то же самое время психологически переживается *как* существующее? Что касается киберизмерения компьютерных игр, то в нем действительно имеет место имитация телесности, которая “как бы” ощущается, “как бы” движется, “как бы” существует. Однако в контексте интерактивного киберкоммуницирования on-line концепт “соби” можно использовать с известными оговорками. Действительно, киберактер может переживать свое “виртуальное тело”, однако ему не даны “соби” других людей, то есть восприятие других все равно остается без-телесным. Даже если предположить, что киберактеры измышляют, виртуально “творят” “соби” друг друга, представляя в уме телесность своих киберпартнеров, то все же можно сказать в терминологии Э.Гуссерля, что подобный опыт есть “опыт-как-бы, пребывающий в царстве чистой возможности (чистой представимости, вообразимости)” [Гуссерль, 1998: с.88]. Виртуальное общение с придуманными “виртуальными телесностями” киберспутников порождает придуманный же, не-реальный опыт Других, который не сокращает дистанции между актерами, не делает более доступными личностно-телесные “тылы” собеседника, который поддерживает ощущение “фантомности” и эфемерности квазителесного взаимодействия.

Очевидность и не-очевидность киберкоммуницирования

Одной из основных тем феноменологии вообще и социальной феноменологии в частности является проблема *очевидности* восприятия внешнего

¹ “Собь – виртуальная реальность, посредством которой человек самоидентифицируется ... Примером соби является виртуальная реальность телесности, виртуальная реальность сознания и проч.” (цит. по: [Пронин, 2007: с. 18]).

мира¹. Термин “очевидность” рассматривается в феноменологии как синоним “само собой разумеющегося”, находящегося “на виду”, постигаемого “непосредственно”. “Любая очевидность есть схватывание самого сущего в модусе “оно само” при полной достоверности его бытия, исключаяющей всякое сомнение” [Гуссерль, 1998: с. 69–70]. Примечательно, что феноменологический концепт “очевидности” включает не только параметр герменевтической “понимаемости” того, что наблюдает социальный актор, но и зрительный параметр естественного усмотрения, видения того, что наблюдаемая вещь действительно существует (существует в объективной реальности либо в сознании наблюдателя). Зрительный аспект рассматриваемого концепта особенно нагляден при дефисном написании — “оче-видность”: несомненным и достоверным (то есть очевидным) становится то, что “видят очи”, что находится перед глазами, что подтверждает свою жизненную реальность видимым здесь-присутствием.

Попробуем выяснить, обладает ли параметром “оче-видности” процесс киберкоммуницирования; становится ли “очевидной” для киберпартнеров их виртуальная связь?

Если иметь в виду зрительный аспект термина “оче-видность”, то вполне естественно сделать вывод о не-очевидности киберкоммуницирования, которого “очи не видят” и анонимные участники которого не видят живых тел и лиц друг друга. Однако картина несколько изменится, если принять во внимание “чисто феноменологический” аспект “очевидности”. Согласно создателю феноменологии Э.Гуссерлю, очевидными можно назвать феномены, присутствующие в сознании наблюдателя. Если актор *видит* определенные объекты (ноэмы) в своем сознании, он может “заключить в скобки” факт их существования (или несуществования) в реальной действительности (он может подвергнуть их объективную реальность феноменологической редукции). Если попробовать рассмотреть природу киберкоммуницирования в подобном контексте, то правомерно говорить о “феноменологической очевидности” киберобщения, которое рефлексивно воспринимается киберакторами и представлено в их сознании (а потому становится для них несомненным). Однако следует признать, что “очевидность” киберкоммуницирования обладает специфической природой, отличающей ее от “очевидности” живого общения.

Живое устное общение, протекающее в ситуации телесного соприсутствия собеседников, предполагает возможность мгновенного, дорефлексивного постижения смысла, содержащегося в словах и просвечивающего в телесных реакциях общающихся личностей. Пребывая в общении, собеседники становятся свидетелями рождения смысла, который принимается как “очевидность”, как “само собой разумеющееся”, не вызывающее сомнений. Мгновенное постижение смысла в процессе общения осуществляется исходя из контекста разговора, а также на основе наблюдения за выражением лица, глаз собеседника, которое выдает внутреннее, невербализованное

¹ “Проблема очевидности является одной из центральных не только для проводимых внутри феноменологии исследований так называемого чистого сознания, но и для понимания устремлений феноменологии обосновать такую науку, которая не просто имела бы характер достоверного познания, но выступала бы одновременно прообразом для всех наук, претендующих на статус наук подлинных” [Разеев, 2004: с. 92].

отношение к происходящему. По мнению Э.Гуссерля, М.Мерло-Понти, А.Шютца, в процессе общения человек не рефлексивизирует, он просто “переживает”, “живет”, просто “очевидит” суть происходящего. Рефлексивное осмысление коммуникативного процесса приходит “после” его завершения, предполагая неизбежное “выпадение” индивида “из” ситуации общения и восприятие ее “извне”. “Непосредственным переживанием мной спутника является постольку, поскольку я прямо вовлечен в мы-отношения, то есть поскольку я участвую в общем потоке наших переживаний. Если я *размышляю* о нашем переживании, эта непосредственность *разрушается*. Я должен прервать мою прямую вовлеченность в мы-отношение. В некотором роде я должен выйти из ситуации лицом-к-лицу... Непосредственная вовлеченность в мы-отношение возможна только в текущих переживаниях ситуации лицом-к-лицу, в то время как *размышление имеет место ex post facto* (лат. — после совершившегося факта). Оно начинается после того, как завершилось конкретное отношение” [Шютц, 2003: с.121] (курсив мой. — Е.Б.). Если живая телесная коммуникация, условно говоря, осуществляется в двухфазовом режиме, — непосредственность переживания сменяется отстраненно-рефлексивным осмыслением, — то киберкоммуникация является принципиально однофазовой. Поскольку непосредственность переживания спутника в киберотношениях становится невозможной (именно потому, что абсолютно недоступны его тело, его живые реакции, его произвольные движения), поскольку киберкоммуникация осуществляется в письменной форме (неизбежно отсроченной по отношению к устно-непосредственным формам реагирования на процесс общения), поэтому виртуальное общение on-line всегда предполагает лишь один модус восприятия, а именно — рефлексивно-объективированный. Актеры могут воспринимать киберкоммуникацию несколько “со стороны” — как визуализированный текстовый “объект”. Находясь “в процессе” общения они в то же время всегда “запаздывают” за его естественным течением, осмысляя и постигая его смысл *ex post facto*. Факт временной смещенности киберкоммуницирования по отношению к живому процессу общения позволяет говорить о неочевидности виртуального общения on-line (ведь очевидность может стать результатом лишь синхронизированного, а не отсроченного пребывания социального актора “внутри” определенной событийности, “внутри” событийного времени, а не “вне” и не “после” него).

Именно по причине “запаздывающего” характера киберкоммуникации ей сопутствует риск “быть прерванным”, “быть исключенным из общения”. Если живое общение делает затрудненным внезапное и беспричинное прерывание коммуницирования; если телесное соприсутствие предполагает определенный порядок взаимодействия, который не может быть “вдруг” устранен, то киберкоммуницирование вполне может быть выведено в режим “out”, когда киберакторы на неопределенное время могут выйти из ситуации общения, отсрочить свой ответ либо вообще его “умолчать”; они могут отреагировать на коммуникативный процесс спустя определенное время, когда ситуация “уже остынет” и, соответственно, будет восприниматься не непосредственно, а отчужденно. Экзистенциальная рисковость киберкоммуницирования, безусловно, может наложить определенный отпечаток и на живое социальное коммуницирование, сообщив ему характеристики отстраненности, отчужденности, объективированности, инструменталь-

ности. Конечно же, было бы неправильно утверждать, что именно специфическая природа киберкоммуницирования порождает манипулятивный характер реального общения. Можно полностью согласиться с Ю.Хабермасом, что повседневное (не виртуальное) общение в современном обществе поражено болезнью инструментализма, поддерживающего объективированно-формализованное отношение людей друг к другу, что неиспорченное живое стремление акторов к взаимопониманию становится редкостью. Однако все же можно предположить, что тотальная и принципиальная объективированность киберкоммуницирования может обострить и усугубить процесс инструментализации современного общества, “усилив” его киберустановкой на естественность подобных тенденций.

Выводы

Во-первых, одной из центральных особенностей киберкоммуникации является то, что она осуществляется в *письменном* режиме. Если М.Кастельс полагал, что в виртуальном пространстве имеет место сопряжение режимов устной и письменной речи¹, то такой альянс все же следует расценить как неравноправный, поскольку логика письменности оказывается в нем доминирующей. Письменность, как полагает Н.Луман, принципиально “потенциализирована” [Луман, 2005: с.99]; она может быть прочитана и “реанимирована” читателем, а может быть и законсервирована на долгие годы в ожидании своей аудитории. “Письменность может с большей легкостью быть проигнорирована, принята за нечто в данный момент несущественное и получить отсрочку как коммуникация... Письменность может откладывать вынесение решения о принятии/отклонении, ... а также удерживать то, что не представляется убедительным” [Луман, 2005: с. 98–99]. В концепте “потенциализации” письменности описывается возможность нереализованности, нераскрытости, невостребованности смысла, содержащегося в письменном тексте, который потенциально в нем присутствует, но в реальности может быть не воспринят или не замечен. “Потенциализация” киберкоммуницирования проявляется в возможности удержания ответа, игнорирования сообщения, поверхностного понимания или вообще непонимания содержащейся в нем информации. Таким образом, в параметре “потенциализации” киберкоммуникации заложена возможность “отсрочки” понимания смысла — “отсрочки”, которая не исключает возможности полного воздержания от стремления что-либо понимать. В отличие от письменности, устная живая коммуникация “навязывает себя, пробивается, требует и получает первенство” [Луман, 2005: с.98], активно поддерживая процесс безостановочной выработки смысла. С одной стороны, не-требовательность, не-навязчивость киберкоммуницирования следовало бы оценить очень высоко, поскольку эти качества помогают создать нерепрессивное, не-принудительное пространство свободного киберобщения. С другой же стороны, “потенциализированная” природа киберкоммуникации создает ситуацию

¹ “Если мы можем считать неформальное написание текстов при общении в реальном времени аналогом телефонного разговора (письменного телефона), то, может быть, можно предсказать появление нового средства, объединяющего формы коммуникации (письменной и устной), разведенные ранее по различным областям человеческого мышления” [Кастельс, 2000: с. 343].

экзистенциальной вялости, расслабленности, необязательности социальных взаимоотношений между киберпартнерами, которые могут отложить, “отсрочить” социальный контакт на неопределенное время.

Во-вторых, коммуникационный процесс может осуществляться по двум сценариям, разворачивающим стратегию видения или стратегию наблюдения. Стратегия *видения* раскрывает возможность усмотрения внутреннего смысла, реального положения вещей в определенной ситуации; видеть (неискаженно видеть) смысл происходящего можно, лишь соучаствуя, переживая ситуацию, будучи лично в нее вовлеченным. Стратегия *наблюдения* предполагает отстраненное, объективное (и объективированное) восприятие действительности “извне”, с определенной “внеположной” точки, предоставляющей хорошее обозрение (обзор) социального ландшафта. Наблюдатель лично не вовлечен в обозреваемое; он не соучаствует и не сопереживает созерцаемым событиям. Он “холоден” в своих переживаниях и социально одинок, создавая одноперспективный проект реальности.

В киберкоммуникации, всегда несколько отсроченной по отношению к живому общению, всегда несколько дистанцированной по отношению к участникам коммуникативного процесса, доминирует именно техника неучастного, отстраненного отслеживания действий, слов, сообщений социальных акторов. “Этот мир для наблюдателя есть не сцена его деятельности, а объект его созерцания, на который он смотрит с отстраненным спокойствием” [Шютц, 2003: с.181]. Социальный актор, наблюдающий процесс киберкоммуникации (в отличие от ученого-наблюдателя) не исключает себя из социального мира, не выводит себя за рамки виртуального общения *on-line*. Кибернаблюдатель находится *внутри* процесса киберобщения, будучи способным в то же самое время рефлексивно оценивать его “со стороны”, из перспективной точки “своего” компьютерного экрана.

Техника наблюдения, практикуемая киберакторами, осуществляется в режиме “наблюдения первого порядка” (Н.Луман), когда каждый из участников киберкоммуницирования пытается отследить виртуальные действия своих партнеров. Вместе с тем киберакторы могут участвовать и в “наблюдении второго порядка”, предполагающем “наблюдение за другими наблюдателями” [Луман, 2005: с.100]: поскольку каждый из участников виртуального общения *on-line* является “наблюдателем первого порядка”, то, соответственно, отслеживая поведение других наблюдателей, каждый из них осуществляет “наблюдение за наблюдателями”. Многослойность и усложненность процедуры наблюдения, осуществляемой в Сети, порождает метарефлексивное киберпространство, требующее проведения постоянного “рефлексивного мониторинга” (Э.Гидденс) поведения киберакторов, иницирующего практики отслеживания и контролирования содержания коммуникативного процесса.

Литература

Аршинов В.И. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии / В.И. Аршинов, М.В. Лебедев // *Философские науки*. — 2007. — № 7. — С. 9–29.

Батов В.И. Виртуальная коммуникация как феномен культуры / В.И. Батов, В.В. Муромцев, А.В. Муромцева // *Философские науки*. — 2008. — № 7. — С. 98–107.

Бурлачук В. Интеллектуальные уловки феноменологической социологии / В. Бурлачук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 97–118.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Гарфинкель Г.; пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. — СПб.: Питер, 2007. — 335 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Гофман И.; пер. с англ. — М.: Канон-Пресс, 2000. — 303 с.

Гуссерль Э. Картезианские размышления / Гуссерль Э.; пер. с нем. Д. Складнева; под ред. Я.А. Слинина. — СПб.: Наука-Ювента, 1998. — 315 с.

Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. С. Зенкина. — СПб.: Алетейя: Ин-т эксперимент. социологии, 1998. — 288 с.

Иванов Д.В. Виртуализация общества / Иванов Д.В. — СПб.: Петербург. Востоковедение, 2000. — 96 с.

Калмыков А.А. О виртуалистической природе коммуникации / А.А. Калмыков // Философские науки. — 2007. — № 7. — С. 76–87.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Кастельс М.; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

Коноплицкий С. Интернет как предмет социологического анализа / С. Коноплицкий // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 3. — С. 186–193.

Коноплицкий С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа / С. Коноплицкий // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 167–178.

Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Лиотар Ж.-Ф.; пер. с англ. Б. Соколова. — СПб.: Алетейя, 2001. — 160 с.

Луман Н. Медиа коммуникации / Луман Н.; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. — М.: Логос, 2005. — 280 с.

Луман Н. Общество как социальная система / Луман Н.; пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Логос, 2004. — 232 с.

Основы теории коммуникации: учеб. / под ред. М.А. Василика. — М.: Гардарики, 2005. — 615 с.

Парк Р. Понятие социальной дистанции / Р. Парк // Социология: РЖ. — 1998. — № 2. — С. 192–197.

Пронин М.А. Виртуалистика сегодня: история, пространство, иллюстрации, перспективы / Пронин М.А. // Философские науки. — 2007. — № 8. — С. 5–31.

Разеев Д.Н. В сетях феноменологии / Разеев Д.Н. // Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.А. Анипко. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. — 367 с.

Тарасенко В. Ретроспективное познание в социологии: некоторые гносеологические и методологические проблемы / В. Тарасенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 4. — С. 5–18.

Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях / Е.В. Уханов // Философские науки. — 2009. — № 10. — С. 59–71.

Хоружий С. Подвиг как органон. Организация и герменевтика опыта в исихастской традиции / С. Хоружий // Вопросы философии. — 1998. — № 3. — С. 35–118.

Хоружий С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С. Хоружий // Вопросы философии. — 1997. — № 6. — С. 53–68.

Шульга А. Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии / А. Шульга // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 119–147.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Шютц А.; сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлуменовой. — М.: Ин-т Фонда “Общ. мнение”, 2003. — 336 с.